

К вопросу об эволюции традиционных социальных институтов в современном Таджикистане

To the Question on the Evolution of Traditional Social Institutions in Modern Tajikistan

Получено: 15.09.2016 г. / Одобрено: 23.09.2016 г. / Опубликовано: 19.03.2017 г.

Овсянников Д.В.

Канд. ист. наук, доцент кафедры «История народов стран СНГ» Институт истории, Санкт-Петербургский государственный университет, Россия, 193060, Санкт-Петербург, Менделеевская линия, д. 5, e-mail: Warg-d@yandex.ru

Ovsyannikov D.V.

Candidate of Historical Sciences, Associate Professor at the Department «History of the Peoples of the CIS countries», Saint Petersburg State University, 5, Mendeleevskaya Liniya, Saint Petersburg, 193060, Russia, e-mail: Warg-d@yandex.ru

Попов Д.Г.

Канд. филос. наук, доцент, доцент кафедры «Реклама и связи с общественностью», Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого, Россия, 195251, г. Санкт-Петербург, ул. Политехническая, д. 29, e-mail: klacik_p2@list.ru

Popov D.G.

Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor, Department of Advertizing and Public Relations, Peter the Great Saint-Petersburg Polytechnic University, 29, Politekhnikeskaya St., Saint Petersburg, 195251, Russia, e-mail: klacik_p2@list.ru

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы трансформации социальных отношений в Таджикистане в историческом и современном контексте. Дается объяснение основных понятий, ключевым из которых является термин «авлод», проводится анализ причинно-следственных связей, приведших к синтезу традиционных и постсоветских социальных институтов в местном обществе. Авторы исследуют структуру таджикского социума, его горизонтальные и вертикальные категории, понимание своей идентичности в таджикском обществе. Изучаются вопросы взаимодействия административного государственного и традиционного самоуправления в Таджикистане, причины неотрадиционализма и проблемы социальной стратификации территориальных сообществ.

Ключевые слова: модернизация, социальные институты, авлод, социальная стратификация, общественные отношения в Таджикистане.

Abstract. The article deals with the transformation of social relations in Tajikistan in the historical and contemporary context. There are an explanation of the basic concepts, of which the term "avlod" is key, the analysis of causality that led to the synthesis of the traditional and the post-Soviet social institutions in the local community in the text. The authors investigate structure of the society in Tajikistan, his horizontal and vertical categories, understanding of their identity in the local society. The questions of effective public administration and traditional authorities in Tajikistan, the reasons of neotraditionalism and a problem of social stratification of territorial communities are considered.

Keywords: modernization, social institutes, "avlod", social stratification, social socialites in Tajikistan.

Примечательной чертой общества современного Таджикистана явилось то, что процессы, происшедшие в хозяйственно-экономическом укладе республики в XX в. (в том числе аграрно-индустриальная модель экономики), обусловили сохранение и консервацию ряда системообразующих характеристик социума, характерных для докапиталистического уклада, что позволяет ряду исследователей говорить в данном случае о неотрадиционализме. В условиях кризисных явлений в новейшей истории Таджикистана проблемы социальной стратификации и идентификации территориальных сообществ становятся важнейшими вопросами социогуманитарных исследований.

Распад СССР, гражданская война 1992–1997 гг. и последствия этих процессов привели к тому, что с 1990 по 1997 гг. доля сельского населения повысилась с 67,8 % до 72,6 % [14]. Рост сельского населения не вел за собой приток населения в города, так как сельское хозяйство позволяло прокормить семью, а город (при кризисе реального производства) таких возможностей не предоставлял. При этом наименее индустриальным регионом в Таджикистане является Горно-Бадахшанская автономная область (ГБАО). Таким образом, процесс архаизации общественной жизни и сохранение традиционного уклада на Памире выражены наиболее ярко. Дополнительным фактором стал отток трудоспособного населения за пределы Таджикистана,

что также способствовало консервации ряда традиционных институтов уже с точки зрения социальной защиты оставшихся групп населения.

Одним из ключевых вопросов эффективного государственного управления в Таджикистане является вопрос взаимодействия центральных и региональных элит, представляющих интересы региональных сообществ. При этом важнейшим вопросом остается идентификационный выбор между регионально-клановыми и общенациональными отношениями периода постсоветской действительности. Для властных групп в текущей ситуации оказываются существенными следующие характеристики:

- занятие важных общественных ролевых позиций, включая религиозные;
- принятие значимых решений, основанных на исторической памяти, поощрения лояльности к группе;
- контроль над ресурсами, включая места паломничества, исторические места происхождения рода;
- внедрение восприятия окружающими естественности того, что данные лица оказываются «руководителями» в силу исторической традиции.

Все эти вопросы находят отражение как в переговорах между Душанбе и регионами, так и с точки зрения традиционных институтов.

В данном очерке мы не ставили задачу проанализировать региональную специфику Таджикистана. Вместе с тем считаем необходимым тезисно отметить, что если в советский период в политической сфере доминировали выходцы из Ферганской долины (ленинабадцы/ходжентцы/согдийцы), а в силовых ведомствах ключевую роль играли представители Юга (кулябцы), в сфере торговли и кооперации преобладали уроженцы предгорий Памира (каратегинцы/гармцы), а в сфере культуры и народного образования лидировали представители народностей Памира (памирцы/бадахшанцы, которые, в свою очередь, делились на шугнанцев, рушанцев, ваханцев, ишкошимцев и др.). Эти этнолокальные группы формировались на основе региональной идентичности [21, с. 326–338.]. В ходе гражданской войны 1992–1997 гг. произошла смена политической элиты. Власть оказалась в руках кулябцев, среди которых особую роль играют представители близкого окружения президента Э. Рахмона, преимущественно выходцы из районного центра Хатлонской области республики пгт. Дангары.

Социальные ожидания в современном таджикском обществе тесно связаны с пониманием своей идентичности. Если говорить о горизонтальной плоскости структуры таджикского общества, то

социальным индивидом на Востоке в целом выступает не отдельная личность, а коллектив. В этом принципиальное отличие социальной организации неевропейских обществ, которое не всегда верно оценивалось и адекватно интерпретировалось западными ориенталистами, которым зачастую был характерен взгляд на Восток сквозь европоцентричную точку видения.

В Таджикистане таким групповым социальным институтом является авлод. Этот арабский термин (букв. «потомки») характерен именно для таджикского общества, так как у различных ираноязычных этнических групп Таджикистана этот институт известен под иными названиями: *қабила* (дословно с таджикского — племя), у язгулемцев — *каум*, шугнанцев — *гру*, ваханцев — *тухм*, матчинцев — *хейш*, других горных таджиков — *каум (каун)*, *тойфа* и *кында*, у равнинных таджиков — *каум* [7]. Аналогичная социальная структура наблюдается у такого крупного ираноязычного народа, как пуштуны, в особенности сильна эта система у патанов (восточных пуштунов, проживающих восточнее «линии Дюранда») в современном Пакистане, и называется *хель* [2, с. 17]. Динамика социальных процессов в Таджикистане в Новейшее время необратимо ускорила, и сама структура социума продолжает эволюционировать вместе с понятиями общественных дефиниций и их значением. По этой причине порой возникает путаница. Так, *авлодом* могут называть и просто большую семью (*оила* или *тун*), а вот *тухм* у ваханцев отличен от авлодов других этнических групп тем, что включает в себя не только кровных родственников, но и агнатов¹.

В самом широком понимании авлодом можно назвать достаточно большую общину, происходящую от общего корня, пусть и самого отдаленного. Так, например, в соседнем Узбекистане таджики являются крупным и влиятельным этническим меньшинством. Таджикской диаспоре Узбекистана также свойственно деление по авлодному принципу (что характерно, в Сурхандарьинской области, пограничной с Таджикистаном, есть населенный пункт с названием Авлод) [11, с. 31].

Историк и публицист, заведующий отделом истории науки и техники Института истории, археологии и этнографии им. Ахмада Дониша АН Таджикистана В.В. Дубовицкий дал следующее определение: «“Авлодами” у оседлых народов Средней Азии называются родовые группы, представляющие собой совокупность живущих и уже умерших родствен-

¹ Агнаты (лат. *agnati, agnatio*) — в древнеримском праве вид родства, основанный не на кровном родстве, а на подчинении одному домовладыке.

ников по мужской линии и их жен, восходящую к единому предку, т.е., иными словами, это кровнородственная патрилинейная родовая группа — община. Она обладает всем комплексом систем жизнеобеспечения, внутриэкономическими, правовыми, территориальными, духовно-культурными и идеологическими механизмами, делающими ее своего рода микространством и обеспечивающими самостоятельность и приспособляемость» [9]. Это емкое определение акцентирует внимание на самодостаточности и автономии авлода по отношению к внешней среде.

Еще одно определение авлода мы встречаем у авторов знаковой монографии по постсоветскому Таджикистану В.И. Бушкова и Д.В. Микульского. Авлодами они называют «родовые группы или патринии, что обеспечивается не только наличием у них общего предка, а значит, сознанием своего родства, но и обладанием общей земельной собственностью и, что куда более важно, совместным ведением хозяйства, а также соблюдением довольно жестких иерархических принципов в родственных отношениях» [7].

Таким образом, авлодом мы можем назвать группу родственных семей по мужской линии, объединенных общими хозяйственно-экономическими, правовыми и духовными связями. В сухом остатке именно это является сутью автономности авлода в общественных отношениях.

Члены авлодов по традиции селились вблизи друг друга и формировались в населенных пунктах довольно компактно. Так, например, городская территориальная (квартальная) община в мусульманском обществе (*махалля* (араб.) или *гузар* (тадж.)), т.е. административно-территориальная единица южных регионов Таджикистана (Куляба, Гиссара, Каратегина, Матчи, а также у дарвазцев и других памирцев), сохраняла до последнего времени родовой характер. Этому также способствовала практика эндогамии [12, с. 211].

В досоветский период экономической базой авлода была коллективная собственность на землю, но с ликвидацией частной собственности в Советском государстве и коллективизацией сельского хозяйства ситуация изменилась. Общий денежный фонд сменил в качестве экономической опоры землю. Такая ситуация сохраняется и по сей день, причем в Таджикистане (самой бедной из постсоветских республик) обычаем предписываются затратные мероприятия ритуального характера (свадьба, обряд обрезания у мальчиков и пр.), средства на которые черпаются из этого фонда.

На основании полевых исследований в августе 2013 г. нам удалось наблюдать, что в сельской местности у южных таджиков, а еще более явно у шугнанцев и ваханцев в Шугнанском, Рошткалинском и Ишканимском районах ГБАО так называемая «родовая собственность» (здесь особо стоит подчеркнуть коллективный характер владения и пользования ею) существует по сей день. В Таджикистане она фигурирует как *мулк* (от араб. «собственность») и состоит из территории кишлака или его части, общественных зданий (школы, *джамоат-хоны* — молитвенного дома у исмаилитов и мечети у суннитов, мазаров), а также покосов и лугов. Таким образом, авлодной организации оказалась свойственна живучесть — она трансформировалась в соответствии с новыми социальными отношениями. Не случайно современные исследователи делают акцент на авлодном сознании памирцев [20, с. 194]. Авлодная идентичность отдельных лиц и групп в данной связи отличается по степени вовлеченности в общие дела и по месту, которая она занимает в ряду других идентичностей.

Авлод как группа людей, связанных кровным родством, по-прежнему остается истинным конструирующим элементом таджикского общества. Наличие ресурсов как социальных, так и экономических позволяет авлодам влиять на политические процессы как минимум на локальном уровне и являться выразителем групповых интересов.

Семья в нашем привычном понимании так и не стала базисной ячейкой, а лишь входит в структуру авлода. Живучесть такого уклада легко объясняется не только традиционностью, свойственной народам Таджикистана как восточным этносам, но и откровенно тяжелыми условиями существования на протяжении веков — потому что именно такая родовая община помогает выживать и приспособиться к окружающим условиям ее членам, обладая всем спектром систем жизнеобеспечения, внутриэкономическими, правовыми, территориальными, духовно-культурными и идеологическими механизмами. По сути, авлод заменяет собой функционал государственных органов при их ослаблении или неэффективности, но обратной стороной этого является его (авлода) откровенная относительная самостоятельность в отношениях авлода и его членов вовне (с другими лицами, структурами, организациями и в том числе с государством). Именно эффективность авлодных структур объясняет то, что они продолжают успешно сохранять традиционный и достаточно архаичный характер. Опять же, с другой стороны, это влечет за собой препятствие складыванию

индивидуального, личностного сознания — даже за последние десятилетия (как в советское, так и пост-советское время) этого не произошло. «Напротив, оно осталось в полной мере общинным, авлодным», — подчеркивают В.И. Бушков и Д.В. Микульский [7]. Интересы рода продолжают доминировать над интересами отдельной личности-индивида. Отсюда и отсутствие социального запроса на институты частной собственности, индивидуальных прав и свобод и в целом на модернизацию политической системы.

Кроме того, консервации авлода способствовала и традиция заключения эндогамных браков. И сегодня более половины супружеских пар образуется в результате сговора родителей, а желающие вступить в брак по собственному выбору обязаны согласовать это решение со своими родителями. Стоит отметить, что современные браки по большей части по-прежнему эндогамны. Они заключаются внутри тех или иных замкнутых общественных групп (семейно-клановых, сословных, территориальных), особенно среди семей, условно причисляемых к элите. Весьма часты среди таджиков кузенные браки, т.е. семейные союзы между двоюродными братьями и сестрами. Общественное мнение и по сей день считает подобные браки наиболее предпочтительными.

В 1996 г. 68,3% населения Таджикистана считали себя членами авлода (в Кулябском регионе — 82,2%, в ГБАО и Курган-Тюбинском регионе — по 78%, в Центральном Таджикистане — 75%, в Согдийской области — 55%, в Душанбе — 42,4%) [9]. Таким образом, авлодное самосознание понижается с юга на север, что объяснимо тем, что Согдийская область и Душанбе были в советское время более вовлечены в модернизационное и культурное взаимодействие с другими советскими народами, особенно с русскими. В 2007 г. исследование, проведенное Сетью развития Ага Хана (AKDN), показало, что от 60 до 65% населения Таджикистана по-прежнему считают себя частью одного из более 12 000 авлодов страны [15, с. 35–36].

В конце нельзя не отметить, что нынешнее политическое руководство Таджикистана («дангаринский клан») является выходцем из Кулябского региона — местности, где авлодное самосознание наиболее выражено, что не может не оказывать определенного влияния на восприятие и формирование политики государственного управления обществом.

В целом авторы выделяют следующие функции современных авлодов:

- представление и защита интересов членов авлода;

- разрешают отдельные социальные проблемы, в первую очередь, связанные с семейно-обрядовыми отношениями;
- объединяют членов авлода, структурируют отношения с «другими»;
- оказывают влияние на формирование общественного мнения, включая практики исключения;
- обеспечивают тесную связь в рамках территориальных сообществ на основе региональной идентичности, что вполне может использоваться в процедурах управляемой демократии;
- выступают институтами социализации, включая религиозную;
- являются основой коллективной памяти.

Основной формой общения мужчин в традиционном таджикском обществе были мужские объединения (союзы) (*ганхури, гаштаки, ганфона, гань* и др.) — особые собрания, регулируемые этикетом и ритуалом и объединяющие жителей одного авлода, квартала, профессии или сферы деятельности. Основой объединений по традиции была и остается совместная трапеза. Существенно важным было то, что все члены одного объединения были обязаны поддерживать друг друга в различных жизненных ситуациях [6, с. 58–59].

Этнографы считают, что мужские союзы мусульманского Востока возникают на стадии перехода от матриархата к патриархату как организация мужчин в целях борьбы за преобладание в социуме. Они выросли на основе мужских домов, вначале бывших лишь местом жительства холостых мужчин, но впоследствии становящихся их организационными центрами.

Характерным является то, что подобного рода регулярные собрания проводятся также среди членов структур многих современных религиозно-политических мусульманских организаций, таких, например, как египетские «Братья мусульмане». «Система семейства», т.е. мужских компаний во главе со старшиной (накиб), во многом идентична гаштакам у таджиков. Мужские союзы предстают как связующий элемент общественно-политических движений [10, с. 90–91].

Примечательно, что у разных этнолокальных групп таджиков существовала своя специфика в типах помещений для таких собраний (специальные помещения «аловхона» — «дом огня» или даже мечети), в их названиях, в их общественном и правовом статусе [3, с. 170]. Аловхона в классической форме сохранились в горных районах Таджикистана (Каратегин и Дарваз) [13, с. 89]. Помещения мужских союзов являлись общим домом для гостей и местом

общественных трапез и проведения досуга для мужчин. Советская власть не поощряла такие традиционные собрания, но после внешнего исчезновения «мужских домов» мужчины продолжали собираться в «мехмонхона» («гостевом доме») при частных домах [16, с. 134; 17, с. 255]. Справедливее будет сказать, что «мужские дома» не исчезли вовсе, а трансформировались в небольшие «мужские клубы», и, таким образом, многолетняя борьба советской власти против религиозных центров и «мужских домов» не принесла существенных результатов. Более того, местная советская власть сама участвовала в строительстве новых больших «мужских клубов» во многих горных регионах, чтобы держать эту многовековую традицию под контролем.

Именно в рамках таких собраний поддерживалась культовая практика и передача религиозных традиций и обычаев. При этом местная власть отказалась от запрета на вечерний коллективный намаз (молитвы «хуфтан»), фактически негласно разрешив старикам оставаться после ужина для его совершения.

Таким образом, сохранение самим населением мужских клубов при советской власти не только (но особенно) в горных, но и в других районах Таджикистана, было закономерно и являлось своеобразным ответом населения на политику государства по уничтожению религиозных центров, мечетей и традиционных «мужских домов».

Следует отметить, что борьба советской власти с такими институтами и их религиозной направленностью не была беспочвенной. И опасения нашли подтверждение уже в 1970-х гг., когда именно через «мужские клубы» начало проводиться влияние зарубежных исламских государств (Саудовской Аравии, Катара, Кувейта, Пакистана и т.д.). Так, значительная часть тайных религиозных школ Курган-Тюбинской области и Каратегинской долины напрямую стала финансироваться и снабжаться религиозной литературой. Бывшие ученики этих школ в годы «перестройки» стали открыто высказывать свои религиозные взгляды. Они добились от властей официального разрешения на проведение коллективных намазов в клубах. В конце 1980-х гг., помимо утреннего, дневного и вечернего коллективного намаза, в клубах также начали совершаться большие пятничные намазы под руководством муллы. Таким образом, светские «мужские клубы» советского образца довольно скоро трансформировались в мечети и религиозные центры [4, с. 104–105], адепты которых также уже в скором времени составят костяк Объединенной таджикской оппозиции (ОТО)

и исламистов в годы гражданской войны в постсоветском Таджикистане.

«Мужские клубы» продолжают нести в себе потенциал деструктивного элемента для нынешней власти. Кулябская элита (руководящая Таджикистаном) не полностью контролирует общественно-политическую ситуацию в стране, особенно в горной части. На этом фоне наблюдается усиление общественно-политической активности в рамках «мужских клубов». Именно туда после запрета осенью 2015 г. Исламской партии возрождения Таджикистана и вынужденной эмиграции ее политических лидеров (М. Кабири) переместится неподконтрольное власти протестное настроение. Но и помимо этого, в «клубах» центральная власть активно подвергается критике за недостаточные экономические реформы, наличие многих проблем в области пенсионного обеспечения, здравоохранения, общеобразовательной системы, клановость кадровой политики, общую ее коррумпированность и т.д. Именно здесь люди нашли способ и площадку для выражения своего недовольства [5, с. 65–66].

По справедливому замечанию американского исследователя А. Халида, «самосознание [населения Средней Азии] носило общинный характер: оно складывалось благодаря почитанию великих предков, ежегодных праздников и событий жизненного цикла. В свою очередь, община обретала сакральную ауру, а ее традиции и обычаи становились “исламскими” в полной мере» [19, с. 41].

Для ираноязычных этнолокальных групп современного Таджикистана авлод включает в себя и сакральную составляющую. Это патронимия, возводящая свое происхождение к прародителю и включающая в себя не только всех живых родственников по мужской линии, но также и умерших. В этом метафизическом понимании прослеживается реликт культа предков в мусульманском обществе, а этот религиозный синкретизм обуславливает в значительной степени и веротерпимость в Таджикистане. Хотя эскалация напряженности в период вооруженного противостояния в годы гражданской войны и привлечение исламского фактора сторонниками Объединенной таджикской оппозиции в своих интересах, безусловно, подвергли серьезному испытанию религиозную терпимость в народе.

Подводя итоги данного краткого обзора, отметим, что в бывших советских республиках Средней Азии кризисные явления привели к проседанию роли государства, и его функции по объективным причинам взяли на себя традиционные институты организации общества. Сохранение аграрно-инду-

стриального характера экономики, преобладание сельского населения над городским, преобладание доли титульной нации в этническом составе населения Республики Таджикистан способствовали тому, что традиционные институты организации общества, которые представляют собой довольно-таки разветвленную и сложноподчиненную систему, получили возможность реанимации.

Традиционные институты (авлоды, мужские союзы) в современном таджикском обществе выполняют несколько ключевых функций, восполняя или заменяя несовершенные или кризисные структуры государства — консолидирующую, социальную,

мотивационную, информационную. При этом нельзя говорить об остановке или незавершенности модернизационных процессов. Традиционные институты в незападных обществах не являются архаикой или пережитками прошлого, это действующие субъекты, изучение и работа с которыми и означает понимание исторических и современных социальных процессов в Таджикистане.

Благодарности. Статья подготовлена в рамках выполнения работ по проекту СПбГУ «Кризис идентичности на постсоветском пространстве в зеркале конфликта», шифр в ИАС НИД СПбГУ 5.38.279.2014.

Литература

1. *Абашин С.Н.* «Ок-суяк» — мусульманская элита Центральной Азии // Центральная Азия и Кавказ. — 2000. — № 612. — С. 73–82. [Электронный ресурс]. — URL: http://www.ca-c.org/journal/2000/journal_rus/cac6-2000/08.abash.shtml/
2. *Басов В.В.* Афганистан: трудные судьбы революции [Текст] / В.В. Басов, Г.А. Поляков. — М.: Знание, 1988. — 64 с.
3. *Бобохонов Р.С.* Таджикистан (XX в.). Упадок и возрождение традиционализма [Текст] / Р.С. Бобохонов. — М.: Изд-во ЦЦРИ РАН, 2010. — 144 с.
4. *Бобохонов Р.С.* «Мужские клубы» как институт гражданского общества в Таджикистане (XX в.) // Политика и общество. — 2012. — № 5. — С. 55–66.
5. *Бобохонов Р.С.* История «мужских клубов» в Таджикистане. [Электронный ресурс]. — URL: <http://www.centrasia.ru/newsA.php?st=1440626040/>
6. *Бушков В.И.* Мужские объединения в Ферганской долине в XX столетии: принципы организации и трансформационные процессы [Текст] / В.И. Бушков // Этнографическое обозрение. — 2002. — № 2. — С. 58–68.
7. *Бушков В.И., Миккульский Д.В.* Анатомия гражданской войны в Таджикистане (этносоциальные процессы и политическая борьба, 1992–1995). [Электронный ресурс]. — URL: http://www.ca-c.org/datarus/st_08_bush.shtml/
8. *Додхудоева Л.Н.* Таджикистан: социокультурный код эпохи и публичный ислам [Текст] / Л.Н. Додхудоева // Власть. — 2014. — № 9. — С. 162–167.
9. *Дубовицкий В.В.* Особенности этнической и конфессиональной ситуации в Республике Таджикистан. [Электронный ресурс]. — URL: http://cge.evrazia.org/sng_5.shtml/
10. *Игнатенко А.А.* Халифы без Халифата. Исламские неправительственные религиозно-политические организации на Ближнем Востоке: история, идеологическая деятельность [Текст] / А.А. Игнатенко. — М.: Наука, 1988. — 207 с.
11. *Кадыров Ш.* Этнология управления в Средней Азии: вчера, сегодня, завтра / Специальный доклад на конференции «The Turkmenistan: not on Orange revolution but Regional?» — Осло, 2005. — 6 июня. [Электронный ресурс]. — URL: http://www.igpi.ru/bibl/other_articl/1119947605.html/
12. *Кисляков Н.А.* Калым и приданое у таджиков [Текст] / Н.А. Кисляков // Родовое общество. Этнографические исследования и материалы. М.: Изд-во АН СССР, 1951. — С. 180–223.
13. *Кисляков Н.А.* Аловхона — «дом огня» у таджиков [Текст] / Н.А. Кисляков // Основные проблемы африканистики: К 70-летию чл.-корр. АН СССР Д.А. Ольдерогге. — М.: Наука; Гл. ред. вост. лит., 1973. — С. 88–94.

14. *Олимова С.* Политический ислам и конфликт в Таджикистане // Центральная Азия и Кавказ. — № 4. — 1999. [Электронный ресурс]. — URL: http://www.ca-c.org/journal/cac-05-1999/st_23_olimova.shtml/
15. *Олкотт М.Б.* Таджикистан. Трудный путь развития [Текст] / М.Б. Олкотт. — М.: Время, 2014. — 464 с.
16. *Рахимов Р.Р.* «Мужские дома» в традиционной культуре таджиков [Текст] / Р.Р. Рахимов. — Л.: Наука, 1990. — 158 с.
17. *Снесарев Г.П.* Традиция мужских союзов в ее позднейшем варианте у народов Средней Азии [Текст] / Г.П. Снесарев // Материалы Хорезмской экспедиции. — М.: Изд-во АН СССР, 1963. — Вып. 7. — С. 155–205.
18. *Таджики (авлод) в Узбекистане.* [Электронный ресурс]. — URL: <http://www.comunicom.ru/home/336-tajikin-samarkand.html/>
19. *Халид А.* Ислам после коммунизма: Религия и политика в Центральной Азии [Текст] / А. Халид. — М.: Новое литературное обозрение, 2010. — 304 с.
20. *Шарафиева О.Х.* Горный Бадахшан после распада СССР [Текст] / О.Х. Шарафиева // Вестник Томского государственного университета. — 2009. — № 323. — С. 194–196.
21. *Шорохов В.А.* Этнолокальные группы Таджикистана в постсоветский период: особенности взаимного восприятия и самоидентификации [Текст] / В.А. Шорохов // Петербургские исследования. — 2011. — Т. 3. — С. 326–338.

References

1. Abashin S.N. «Ok-suyak» — musul'manskaya elita Tsentral'noy Azii. ["Oak suyak" — Muslim elite of Central Asia]. *Tsentral'naya Aziya i Kavkaz* [Central Asia and Caucasus]. 2000, I. 6, pp. 73–82. Available at: http://www.ca-c.org/journal/2000/journal_rus/cac6-2000/08.abash.shtml
2. Basov V.V., Polyakov G.A. *Afganistan: trudnye sud'by revolyutsii* [Afghanistan: the difficult fate of the revolution]. Moscow, Znanie Publ., 1988. 64 p.
3. Bobokhonov R.S. *Tadzhikistan (XX vek). Upadok i vozrozhdenie traditsionalizma* [Tajikistan (XX c.). Decline and revival of traditionalism]. Moscow, «TsTsRI RAN» Publ., 2010. 144 p.
4. Bobokhonov R.S. «*Muzhskie kluby*» kak institut grazhdanskogo obshchestva v *Tadzhikistane (XX v.)* ["Men's Club" as an institution of civil society in Tajikistan (XX c.)]. *Politika i Obshchestvo* [Politics and Society]. 2012, I. 5, pp. 55–66.
5. Bobokhonov R.S. *Istoriya «muzhskikh klubov» v Tadzhikistane* [The history of "men's clubs" in Tajikistan]. Available at: <http://www.centrasia.ru/newsA.php?st=1440626040/>
6. Bushkov V.I. *Muzhskie ob'edineniya v Ferganskoy doline v KhKh stoletii: printsipy organizatsii i transformatsionnye prot-*

- sessy [Men's associations in the Ferghana Valley in the twentieth century: the principles of organization and transformation processes]. *Etnograficheskoe obozrenie* [Ethnographic Review]. 2002, I. 2, pp. 58–68.
7. Bushkov V.I., Mikul'skiy D.V. *Anatomiya Grazhdanskoy voyny v Tadzhikestane (etno-sotsial'nye protsessy i politicheskaya bor'ba, 1992–1995)* [Anatomy of a civil war in Tajikistan (ethno-social processes and political struggle of 1992–1995)]. Moscow, 1996. Available at: http://www.ca-c.org/datarus/st_08_bush.shtml/
  8. Dodkhudoeva L.N. Tadjikistan: sotsiokul'turnyy kod epokhi i publichnyy islam [Tajikistan: sociocultural code epoch and public Islam]. *Vlast'* [The Power]. 2014, I. 9, pp. 162–167.
  9. Dubovitskiy V.V. *Osobennosti etnicheskoy i konfessional'noy situatsii v Respublike Tadjikistan* [Features of ethnic and religious situation in the Republic of Tajikistan]. Available at: http://cge.evrazia.org/sng_5.shtml/
  10. Ignatenko A.A. *Khalify bez Khalifata. Islamskie nepravitel'stvennye religiozno-politicheskie organizatsii na Blizhnem Vostoke: istoriya, ideologicheskaya deyatel'nost'* [Khalifa without Caliphate. Non-Islamic religious organizations political activities in the Middle East: History, ideological activities]. Moscow, «Nauka» Publ., 1988. 207 p.
  11. Kadyrov Sh. *Etnologiya upravleniya v Sredney Azii: vchera, segodnya, zavtra* [Ethnology management in Central Asia: yesterday, today and tomorrow]. Available at: http://www.igpi.ru/bibl/other_articl/1119947605.html/
  12. Kislyakov N.A. Kalym i pridanoie u tadjikov [Dowry and dowry Tajiks]. *Rodovoe obshchestvo. Etnograficheskie issledovaniya i materialy* [Tribal society. Ethnographic studies and materials]. Moscow, AN SSSR Publ., 1951, pp. 180–223.
  13. Kislyakov N.A. Alovkhona — «dom ognya» u tadjikov [Alovkhona — "House of Fire" Tajiks]. *Osnovnye problemy afrikanistiki: K 70-letiyu chlena-korrespondenta AN SSSR D. A. Ol'derogge* [African studies main problems: the 70th — anniversary of the corresponding member of the Academy of Sciences of the USSR DA Olderogge]. Moscow, Nauka Publ., 1973, pp. 88–94.
  14. Olimova S. Politicheskiy islam i konflikt v Tadjikistane [Political Islam and the conflict in Tajikistan]. *Tsentral'naya Aziya i Kavkaz* [Central Asia and Caucasus]. 1999, I. 4. Available at: http://www.ca-c.org/journal/cac-05-1999/st_23_olimova.shtml
  15. Olkott M.B. *Tadjikistan. Trudnyy put' razvitiya* [Tajikistan. The difficult path of development]. Moscow, «Vremya» Publ., 2014. 464 p.
  16. Rakhimov R.R. «Muzhskie doma» v traditsionnoy kul'ture tadjikov ["Men at home" in the traditional culture of the Tajiks]. «Nauka» Publ., 1990. 158 p.
  17. Snesarev G.P. Traditsiya muzhskikh soyuzov v ee pozdneyshem variante u narodov Sredney Azii [The tradition of male unions in its later version of the peoples of Central Asia]. *Materialy Khorezmskoy ekspeditsii* [Proceedings of the Khorezm expedition]. Moscow, «AN SSSR» Publ., 1963, I. 7, pp. 155–205.
  18. *Tadjiki (avlod) v Uzbekistane* [Tajiks (avlood) in Uzbekistan]. Available at: <http://www.comunicom.ru/home/336-tajikin-samarkand.html>
  19. Khalid A. *Islam posle kommunizma: Religiya i politika v Tsentral'noy Azii* [Islam after Communism: Religion and Politics in Central Asia]. Moscow, «Novoe literaturnoe obozrenie» Publ., 2010. 304 p.
  20. Sharafieva O.Kh. Gornyy Badakhshan posle raspada SSSR [Badakhshan after the Soviet collapse]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of the Tomsk State University]. 2009, I. 323, pp. 194–196.
  21. Shorokhov V.A. Etno-lokal'nye gruppy Tadjikistana v post-sovetskiy period: osobennosti vzaimnogo vospriyatiya i samoidentifikatsii [Ethno-local groups in the post-Soviet period Tajikistan: Features of mutual perception and identity]. *Peterburgskie issledovaniya* [St. Petersburg research]. 2011, V. 3, pp. 326–338.